

ДНЕВНИКИ РУССКИХ МИССИОНЕРОВ ВОСТОКА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

**THE DIARIES OF RUSSIAN MISSIONARIES EAST AT THE END OF XIX – THE
BEGINNING OF XX CENTURY: THEORETICAL ASPECTS**

А.С. Акимова

кафедра русской и зарубежной литературы
Сахалинского государственного университета

Ключевые слова: миссионерский дневник, святитель Николай Японский, Хрисанф (Щетковский), Япония, Корея.

Key words: missionary diary, Saint Nikolai of Japan, Khrisanf (Schetkovskii), Japan, Korea.

Аннотация. Русские миссионеры, в том числе в Японии и Корее, оставили после себя обширное эпистолярное наследие, важную часть которого составляют дневниковые записи. В статье миссионерский дневник рассматривается как жанровая модификация дневника и утверждается, что миссионерский дневник представляет интерес не только для историков, но и для литературоведов в виду своего эстетически-художественного компонента.

Abstract. Taking into consideration Japan and Korea Russian missionaries left a great number of writings. The important part of them is the diaries of missionaries. In the article missionary diary is studied as the genre modification of documental diary. The author proves the idea that missionary diary can be interesting not just for historians but literary critics as well due to missionary diaries' aesthetic content.

* Статья выполнена при поддержке гранта для молодых ученых в рамках программы японо-российского молодежного обмена «Приглашение молодых российских исследователей в Японию (JREX Fellowship)» в 2011 году.

Исторически сложилось, что в состав России, которая переняла православие от Византии, входили частично или полностью нехристианские народы. Со временем это обусловило появление института миссионерства Русской православной церкви и ее выдающихся деятелей. Примечательно, что вместе с распространением православия внутри страны и за границей при посольствах создавались храмы и центры православного просвещения. Так, например, в Китае создание православной миссии предшествовало открытию дипломатического представительства России. А в Японии деятельность православной церкви обсуждалась на высоком правительственном уровне [1].

История миссионерской деятельности Русской православной церкви охватывает не одно столетие. Однако расцвет миссионерской деятельности приходится на время создания в 1870 году и работы Православного миссионерского общества [2]. В этот период Россия была известна именами многих православных миссионеров: святителя Иннокентия (Вениаминов; 1796–1879), святителя Макария (Невский; 1835–1926), святителя Николая Японского (Касаткин; 1836–1912), митрополита Нестора (Анисимов; 1884–1962) и др. Все они оставили потомкам документальные свидетельства своего времени – записки, церковные дневники, миссионерские дневники (миссийские дневники), письма и другие образцы прозы, которая может быть объединена под общим названием – миссионерская литература. Одним из самых распространенных жанров миссионерской литературы становятся дневники православных деятелей духовных миссий.

Дневниковая проза, несмотря на долгую историю, в настоящее время изучена еще недостаточно. Только в XIX веке дневник стал восприниматься не как маргинальное, но как собственно литературное явление. Именно это позволило рассматривать дневниковые тексты филологам-лингвистам и литературоведам. Однако вопрос о такой жанровой разновидности дневника, как миссионерский, о специфике применения этого понятия в литературоведении ни в одном из существующих исследований развернуто не рассматривался. Несмотря на тот факт, что исследователями дневниковой прозы (и собственно литературной, и документальной) привлекался обширный

иллюстрационный материал¹, никто из них не обращался к дневникам русских православных миссионеров.

Однако миссионерские дневники, бесспорно, должны быть включены в поле исследовательской литературы ввиду своей многочисленности, уникального содержания, своеобразного композиционного обрамления и художественно-эстетического начала. При этом особое внимание привлекают опубликованные в 2005 году «Дневники» святителя Николая Японского (Иван Дмитриевич Касаткин; 1836–1912) ввиду продолжительности ведения записей, особой композиционной организации, а также их содержательной значимости. Святитель Николай Японский вел записи на протяжении более сорока лет. Дневниковые тексты уже после его смерти были систематизированы в пятитомное издание под общим названием «Дневники святителя Николая Японского» [3]. Одновременно с появлением в России «Дневников» святителя Николая Японского вышло аналогичное издание и в переводе на японский язык [4]. Факт такого издания свидетельствует о высоком интересе не только отечественных читателей, но и зарубежных.

С конца 1990-х годов в отдельных российских и японских изданиях появились первые публикации отдельных фрагментов дневниковых записей святителя Николая Японского [5, 6, 7, 8]. Записи «Дневников» по преимуществу велись в Японии (за исключением двух поездок в Россию) и содержат информацию, касающуюся практически всех сфер человеческой жизни: экономики, педагогики, истории, лингвистики и много другого. В «Дневниках» Николая Японского повествуется о многих выдающихся людях XIX века (литераторах Ф.М. Достоевском и В.С. Соловьеве, морских военачальниках С.О. Макарове и Е.В. Путятине и др.) и о судьбах малоизвестных людей, но занимающих определенное место в жизни святителя Николая Японского и всей духовной миссии в Японии (работниках и учащихся семинарии, японских священнослужителях, прихожанах и др.). Тем самым читатель «Дневников» святителя Николая Японского оказывается вовлеченным во всевозможные жизненные перипетии, в истории жизни знаменитых людей, вступая в диалог с философскими, религиозными и бытовыми взглядами на жизнь современников автора «Дневников». Содержание «Дневников» включает в себя рассуждения самого святителя Николая Японского о судьбах России и Японии, о религиях, о нравах японцев и русских; многочисленные

¹ В приложении к монографии М.Ю. Михеева указан список дневниковых текстов более, чем из 200 наименований.

пересказы газетных и журнальных хроник, личной корреспонденции; статистических листов; выдержек из проповедей и официальных документов. В этом отношении письменное наследие святителя Николая Японского трудно назвать обычным дневником, под которым традиционно понимается фиксация только того, что случилось, и того, что перечувствовано (то есть того, где был автор дневника и что он мог делать) [9]. Можно утверждать, что «Дневники» включают в свое повествование разножанровые фрагменты, а именно: исповедальные, эссеистические и автобиографические.

М.Н. Эпштейн, пытаясь выявить своеобразие эссе, сопоставляет его с автобиографией, дневником и исповедью. По мнению ученого, «то, что “я” в эссе всегда уходит от определения и не задается прямо в качестве предмета описания, отличает этот жанр от таких, казалось бы, близких, тоже направленных к самопознанию жанров, как автобиография, дневник, исповедь» [10]. Одновременно М.Н. Эпштейн указывает и на отличительные особенности упомянутых жанров. «Эти три жанра, – пишет он, – имеют определенные различия: автобиография раскрывает “я” в аспекте прошлого, ставшего; дневник – в процессе становящегося, настоящего; исповедь – в направлении будущего, перед которым отчитывается человек, чтобы стать самим собой, удостоиться прощения и благодати» [10].

В таком контексте можно считать, что следующая запись из «Дневников» святителя Николая Японского выходит за рамки дневника: «Леность заедает! И во мне – как много этого зла! Жалуюсь, что людей нет; но сам же я в себе гублю, по крайней мере, одного человека: если бы не лениться, все равно было бы, что двое нас; а теперь один и один-то – через пень колоду. И грех и стыд! Итак, помоги мне, Господи, в будущем году наблюдать: в отношении к Богу – молитву и чистоту – ума и языка, в отношении к людям – терпение и приветливость, к себе самому – прилежания и умеренности!» (см. также аналогичные записи от 4 (16) марта 1888 года; 23 марта (4 апреля) 1889 года; 24 августа (5 сентября) 1889 года и др.) [11]. «Дневники» святителя Николая Японского изобилуют исповедальными текстами, выражаясь словами М.Н. Эпштейна, направленными в будущее. По мнению М.И. Веллера, исповедальная проза (которая имеет своим истоком мемуары) началась с «Сентиментального путешествия по Франции и Италии» (1768) Л. Стерна. «С одной стороны, – пишет М.И. Веллер, – мы имеем путешествия, – а с другой стороны, мы

наряду с описанием внешней природы, внешних картин – имеем описание внутреннего мира человека» [12].

В свою очередь, М.И. Веллер, рассуждая о дневнике Марко Поло, пишет: «Литература путешествий, хроники и мемуары – это три очень родственных и взаимонакладывающихся жанра, которые просто невозможно разграничить. Мы можем считать написанное Марко Поло дневником, можем считать описанием путешествия, то есть путевым дневником, а можем считать мемуарами. И то, и другое, и третье будет правда» [12]. Таким образом, возникает закономерный вопрос: дневники, написанные миссионерами, – всего лишь синтез разных жанров или же это явление нового порядка, рождение новой жанровой модификации с обобщенным названием «миссионерский дневник». К проблеме нефункционального разграничения «первичных (простых)» и «вторичных (сложных)» речевых жанров обращался и М.М. Бахтин. При этом «вторичные (сложные)» жанры «в процессе своего формирования <...> вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения» [13]. Однако, по М.М. Бахтину, входя в состав сложных, первичные жанры утрачивают непосредственное отношение к реальности, то есть трансформируются [13].

Следует обратить внимание на особенность «эссеистических» текстов в «Дневниках» святителя Николая Японского, которые беспрепятственно могут быть извлечены из общего текста и истолкованы. Для понимания таких склонных к автономии текстов обычным читателям не нужны собственно дневниковые показатели, текстологические критерии (дата создания и контекстуальное местоположение). Можно утверждать, что дневники миссионеров содержат в большом количестве такие «эссеистические» тексты. Исследователи эссе соглашались с тем, что при таких внешних признаках жанра, как небольшой объем, конкретная тема с подчеркнуто субъективной трактовкой, свободная композиция, ориентация на разговорную речь, в эссе заложена определенная концепция, которая придает связность всему повествованию [10, 14].

Так, например, в «Дневниках» святителя Николая Японского в записи от 9 сентября (по новому стилю 21 сентября) 1884 года обнаруживается фрагмент «Воззвание к бонзам». «Вы, – пишет святитель, – набрали полные карманы камешков и побрякушек и с пренебрежением смотрите на золото: “У нас-де – полные карманы”. Да выгрузитесь, освободитесь из

под хлама на время и тогда сравните ваш камень с нашим хлебом жизненным, вашу змею с нашей речью.

...Бог дал человеку легкие и создал воздух, дал глаза и создал предмет зрения, дал разум и велел назвать имена животным, – точно также дал свободу и указал древо познания добра и зла, – без сего последнего человек также не ощутил бы себя свободным, как без предмета зрения ничего бы не увидел, без земли под ногами – не ходил бы и прочее» [11, С. 259-260].

Аналогичным эссеистическим характером отличаются и другие, более развернутые части «Дневников» святителя Николая Японского, а именно: записи от 27 марта (8 апреля) 1885 года «По прочтении монографии Царицы Прасковьи»²; 13 (25) января 1889 года «Протестантов и взаправду, кажется, уже близко тридцать тысяч...»; 19 сентября (1 октября) 1889 года «Япония – золотая середина...» и др. Эти и другие записи обладают самостоятельным композиционным и идейно-смысловым единством, позволяющим автономно существовать таким текстам вне дневникового повествования.

Святитель Николай Японский является неединственным миссионером, который вел дневниковые записи, имевшие отношение к Японии. К числу наиболее известных священников миссии относятся Анатолий (Тихай; 1838–1893), Сергей (Тихомиров; 1863–1945), Сергей (Страгородский; 1867–1944), а также другие православные деятели, которые оставили свидетельства своего кратковременного пребывания в Японии.

Так, например, в дневнике Аввакума (Честной; 1804–1866) запечатлена история русской миссии Е.В. Путятин в Японию в течение семи месяцев [15]. С 1 июня по 31 декабря 1853 года Аввакум находился в должности переводчика. Митрополит Сергей (Тихомиров), управлявший Японской духовной миссией с 1912 по 1946 год, является автором многих работ, изданных в российских богословских вестниках и журналах: «Месяц по Японии. Путевые заметки и впечатления» (1908), «На Южном Сахалине (из путевых заметок)» (1914) и др. Он пишет о климатических и географических особенностях Японии и прилегающих к ней островов – Сахалина, Итурупа и др. Митрополит Сергей (Тихомиров) уделяет внимание вопросам, связанным с духовной миссией в Японии, но в сферу интересов священника попадают и сугубо мирские дела. Так, митрополит

² Специальных названий эти записи не имеют, но начинаются именно с этих слов.

поражается хорошо отлаженному морскому сообщению между северной Японией и югом Сахалина или же подробно описывает существующие в его время железнодорожные тарифы на транспорт Южного Сахалина (находящегося в то время в юрисдикции Японии). При этом священник пытается дать точные исторические, этнографические и социально-экономические сведения о посещаемых им местах. Записи митрополита Сергия (Тихомирова) изобилуют и многочисленными риторическими восклицаниями, содержание которых очень похоже на лирические отступления, нередко обозначающиеся в произведениях эпического рода – рассказах, повестях, романах и др.

Архиепископ Сергей (Страгородский) выполнял обязанности помощника начальника православной миссии в Японии с 1897–1899 годы. Впечатления о поездке в Японию и участии в работе Японской духовной миссии были изложены миссионером в форме дневника «На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера)». Однако этот дневник не был единичным. После своего второго пребывания в Японии архимандрит Сергей опубликовал в Богословском вестнике новые путевые заметки «По Японии (записки миссионера)», которые в дальнейшем также увидели свет в форме отдельного издания: Архимандрит Сергей.

Следует отметить, что в Дальневосточном регионе связь с народами Востока русское священничество осуществляло через три зарубежные духовные миссии: в Китае, Японии и Корее. Самая молодая из упомянутых – Корейская православная миссия, созданная синодом Русской православной церкви в 1897 году и фактически открытая в феврале 1900 года. Важное место в наследии Корейской православной миссии занимают три работы первого просветителя Кореи – архимандрита Хрисанфа (Христофор Щетковский; 1869–1906): «Из писем корейского миссионера» (1904), «От Сеула до Владивостока. Путевые заметки миссионера» (1905) и «К вопросу о переводах на инородческие языки» (1904).

В книге архимандрита Хрисанфа «От Сеула до Владивостока. Путевые заметки миссионера», как и в наследии других русских миссионеров, обнаруживает себя эстетически-художественное начало. Произведение миссионера предстает в форме документального дневника, совмещающего в своем пространстве научное и вместе с ним художественное, эстетическое постижение мира с авторской субъективностью. Книга архимандрита Хрисанфа воспроизводит еще один образец эпистолярной прозы русских священников за рубежом. Общее композиционное построение и содержательный пласт приводимых сведений о Корее

практически идентичны тому, о чем писали другие миссионеры, в частности, в Японии.

Примечательно, что дневниковые тексты русских православных миссионеров уже становились предметом изучения, но к ним обращались не теоретики литературы, а историки, богословы и религиоведы. Так, в многотомном аннотированном указателе книг «История России в дневниках и воспоминаниях» под редакцией П.А. Зайончковского объемный раздел посвящен внутренним и внешним православным миссиям [16]. О значимости миссионерских текстов свидетельствуют и конференции, проводимые ведущими научными центрами страны. Например, восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета с 1991 года активно разрабатывает новое для него направление – «Роль Православной церкви в установлении связей России со странами Азии и Африки» [17]. В сотрудничестве с Санкт-Петербургской православной духовной академией раз в три года проводится научная конференция «Православие на Дальнем Востоке». Организаторы и участники – ведущие синологи, корееведы, японисты – остро ставят вопрос о рукописном наследии отечественных востоковедов прошлого, значительную часть которого составляют труды священников православных миссий на Дальнем Востоке.

Таким образом, на современном этапе достаточно интересным видится рассмотрение миссионерских дневников, которые представляют собой особую жанровую модификацию с точки зрения теоретического литературоведения. В силу наделенности миссионерами филологическим талантом такая документация могла носить как строгий канцелярский (формальный) характер, так и отражать умение автора творчески модифицировать документальные события в литературном формате. Именно такие произведения создают не только максимально обозримый образ миссионера конца XIX – начала XX века, но и содержат цельную панораму заграничной действительности, открывающейся перед глазами русских священников. Такая литература, которую можно включить в миссионерский дневник, содержит в себе написанные в разные годы, при разных обстоятельствах и в разных литературно-художественных жанрах произведения. Практически каждый русский миссионер XIX–XX веков оставил после себя определенные записи в многофункциональных жанрах русской словесности: заметки, записки, путевые дневники, отчеты, рапорты, письма и др.

Библиографический список

1. Уэно Ё. Весточка из далекого прошлого // Знакомьтесь – Япония. – 2000. № 28. – С. 48–54.
2. Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви. – М.: ПСТГУ, 2007. – С. 12.
3. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / Сост. К. Накамура. – СПб.: Гиперион, 2004.
4. Сэнкёси никорай-но дзэнники. Дзэнкюкан. Накамура Кэнносукэ кансю. Кёбункан, 2009. Полное собрание дневников святителя Николая: в 9 т. / Под. ред. К. Накамура. – Токио: Кёбункан, 2009.
5. Данилушкина М. Святитель Николай Японский и его «Дневники». К 80-летию преставления. // Московский журнал. – 1992. № 8. – С. 55–61.
6. Праведное житие и апостольские труды святителя Николая архиепископа Японского по его своеручным записям. Ч. 1-2. / Подгот. А.В. Радилов. – СПб.: Северо-Западная Библейская Комиссия, 1996.
7. Николай-до. Святитель Николай Японский. Краткое жизнеописание. Выдержки из дневников / Сост., коммент. А. Чех. – СПб.: Библиополис, 2001.
8. Дневники святого Николая Японского / Сост.: К. Накамару, Ё. Накамура, Р. Ясуи и др. – Саппоро: издательство Хоккайдского университета, 1994.
9. Шикин В.Н. Дневник / Литературный энциклопедический словарь / Под ред.: В.М. Кожевникова, П.А. Николаева – М., 1987. – С. 98.
10. Эпштейн М.Н. На перекрестке образа и понятия (эссеизм в культуре нового времени) // Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков. – М.: Советский писатель, 1988. – С. 338.
11. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / Сост. К. Накамура. Т. 2. – СПб.: Гиперион, 2004. – С. 298.
12. Веллер М.И. Мемуары – как зеркало и как этическая проблема // Перпендикуляр. – М.: АСТ МОСКВА, 2008. – С. 265.
13. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений. – Т. 5. – М.: Русские словари, 1997. – С. 161.
14. Кайда Л.Г. Композиционная поэтика текста. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 408 с.

15. Архимандрит Аввакум (Честной). Дневник кругосветного плавания на фрегате «Паллада» (1853 г.). Письма из Китая (1857–1858 гг.). – Тверь, 1998. – С. 25–86.
16. История России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / Под ред. П.А. Зайончковского. – М.: Книга, 1980.
17. Ипатова А.С. Православие на Дальнем Востоке. Историографический обзор // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 2. С. – 146.